

18+

САРМАТЫ РАБ

Вячеслав

Марченко

Вячеслав Марченко

Сарматы. Раб. Цикл
"Древний мир"

«Издательские решения»

Марченков В.

Сарматы. Раб. Цикл "Древний мир" / В. Марченков —
«Издательские решения»,

В книге рассказывается о том, как одни племена завоевывали другие, как менялись границы государств и как складывались новые союзы. Читатель погружается в мир, где царят законы силы и где каждый день может стать последним. Это захватывающая история о мужестве, верности, дружбе и любви, которая заставит читателя переживать за героев и следить за их судьбой с неослабевающим интересом.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Начало	7
Глава вторая	9
Невольник	9
Глава третья	11
Варвары	11
Глава четвёртая	13
Новый хозяин	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сарматы. Раб Цикл "Древний мир"

Вячеслав Марченков

© Вячеслав Марченков, 2026

ISBN 978-5-0071-3242-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В V—IV веках до нашей эры сарматы и скифы сосуществовали в относительной гармонии — их связывали прочные добрососедские отношения. Скифские купцы, прокладывавшие торговые пути в восточные земли, без опасений пересекали сарматские территории. Их караваны беспрепятственно продвигались через степи, охраняемые молчаливым согласием местных племён. Союз между народами выходил за рамки мирного сосуществования и проявлялся в совместных военных кампаниях. В битвах против персов сарматы выступали надёжными соратниками скифов, деля с ними тяготы сражений и славу побед. Эта традиция верного союзничества сохранялась и во времена царя Атея: отборные сарматские отряды не просто участвовали в походах — они входили в состав регулярного войска скифского правителя и несли службу при его дворе, демонстрируя преданность общему делу. Отдельные группы сарматов постепенно осваивали земли Европейской Скифии, обустроявая свои поселения рядом с владениями скифов. Это мирное проникновение не вызывало конфликтов: два народа, несмотря на различия в обычаях и образе жизни, умели находить общий язык.

Однако к концу IV века до нашей эры тучи над Скифией начали сгущаться. Роковой удар нанёс правитель Фракии Лисимах — его войска нанесли скифам сокрушительное поражение. Одновременно с запада усилилось давление со стороны фракийцев и кельтских племён галатов, которые шаг за шагом оттесняли скифов с их традиционных территорий. Череда неудачных войн подорвала могущество Скифского царства. Экономика пришла в упадок, некогда обширные владения начали распадаться: завоёванные прежде земли и подчинённые племена один за другим откалывались от державы, лишая её ресурсов и влияния. Ослабление Скифии стало сигналом для её соседей. В III веке до нашей эры давняя дружба с сарматами сменилась открытой враждой. Молодые, амбициозные и воинственные сарматские союзы, почувствовав уязвимость некогда могущественного соседа, перешли в наступление.

Яркое свидетельство тех бурных событий сохранилось в рассказе Лукиана «Токсарис, или Дружба». В нём скифы Дандамис и Амизок проверяют прочность своей дружбы на фоне разрушительного сарматского нашествия, где Лукиан описывает картину вторжения: *«Пришли на нашу землю савроматы в числе десяти тысяч всадников, пеших же, говорили, пришло в три раза больше. Так как они напали на людей, не ожидавших их прихода, то и обратили всех в бегство, что обыкновенно бывает в таких случаях; многих из способных носить оружие они убили, других увели живьём, кроме тех, которые успели переплыть на другой берег реки, где у нас находилась половина кочевья, и часть повозок. Тотчас савроматы начали сгонять добычу, собирать толпой пленных, грабить шатры, овладели большим числом повозок со всеми, кто в них находился»*.

Многочисленные набеги и методичный захват скифских земель постепенно меняли облик региона. Шаг за шагом сарматы расширяли свои владения, пока, наконец, не произошло масштабное событие — массовое переселение сарматских племён в Северное Причерноморье. Так завершился долгий период соседства и начался новый этап в истории степей, где на смену скифскому господству пришло владычество сарматов.

Глава первая

Начало

В году триста семидесятом, по новому летоисчислению, бескрайние степи Центральной Азии ожили, наполнившись гулом множества голосов, ржанием лошадей и скрипом колёс. Под палящими лучами раннего весеннего солнца, когда земля только-только оттаивала от зимнего сна, а воздух был пронизан свежестью и ожиданием перемен, началось великое движение.

Многочисленные племена гуннов, словно тёмная туча, медленно, но неумолимо, расползались по горизонту. Бескрайняя лавина вооружённых всадников, облачённых в кожаные доспехи и вооружённых луками с колчанами наполненными стрелами, да короткими мечами, заполнила всё пространство степей. За войском тянулись бесконечные вереницы повозок, накрытых хорошо выделанной непромокаемой кожей, в коих были уложены пожитки, запасы провизии и добыча, накопленная за долгие годы кочевой жизни. Преодолевали вышедшие из берегов полноводные реки, их кони, привыкшие к суровым условиям, бесстрашно входили в бурлящие потоки, переправляясь на другой берег. Движение было медленным, но неотвратимым — словно сама судьба вела их вперёд, к новым землям и новым победам.

В течение нескольких лет гунны захватили всё северное предгорье Кавказа, а вместе с ним и плодородные приморские степи. Эти земли принадлежали ранее аланам — гордому и воинственному народу, который покорился не сразу. Кровавые сражения развернулись на широких равнинах: звон мечей, крики раненых и рёв боевых труб наполняли воздух. Многие аланы пали на поле брани, их тела остались лежать на пропитанной кровью земле. Других пленили — скованных цепями, их вели следом за войском, чтобы потом продать в рабство или заставить служить новым хозяевам. Но большая часть аланов, во главе с королём Сангибаном, отступила на запад. В отчаянии и надежде они обратились к Великой Римской империи, моля о защите и убежище.

Гунны же, наслаждаясь плодами быстрой победы, на время забыв про аланов, обратили теперь свой взор на север. Но здесь их ждал неожиданный отпор. На пути кочевников внезапно встали каганаты Артании, Куябии и Славии — могущественные объединения, простиравшиеся от студёного моря до тёплых вод Гирканского и Ашкенаского морей. Эти земли надёжно охранялись родовыми племенами воинственных славян и сарматов, где наравне с мужчинами отлично владели оружием и женщины — нередко именно они стояли во главе своих кланов, ведя воинов в бой с отвагой и мудростью, достойной самых прославленных полководцев.

Долгие годы шли ожесточённые сражения. Гунны бросались в атаку снова и снова, но гордые и свободолюбивые народы не сдавались. Их тактика, знание местности и сплочённость давали им преимущество. Лишь через несколько лет, так и не сумев сломить сопротивление, гунны были вынуждены пойти на переговоры. Договорившись о мире, они вновь устремили свой взор на юг — туда, где манили богатства и слава.

К огромной армии завоевателей примкнула и основная часть доселе воевавших с ними сарматов. Видя мощь гуннов и понимая, что сопротивление бесполезно, многие из них решили присоединиться к победителям, надеясь получить свою долю добычи и привилегий.

Двумя потоками — через Перекоп и с Таманского полуострова через пролив — гунны обрушились на Крым. Их натиск был стремительным и беспощадным. Города, веками стоявшие на берегу моря, не смогли противостоять этой силе. Штурмы следовали один за другим: стены рушились под ударами таранов, ворота сгорали в пламени, а улицы заполнялись воинами с горящими глазами.

Города были взяты и разграблены. Сокровища, накопленные за века, перекочевали в обозы гуннов. Под натиском завоевателей тысячу лет существовавшее Боспорское царство исчезло с лица земли, оставив после себя лишь руины и воспоминания о былом величии.

Затем наступила очередь германских племён готов, живших к западу и северо-западу от аланов. Вестготы, охваченные страхом, бежали за Дунай, надеясь найти спасение на землях Римской империи. Остготы же решили дать отпор. Жестокая битва развернулась на широких полях — кровь лилась рекой, а крики воинов эхом разносились по округе. Но силы были неравны, и остготы были разбиты. Их король Эрманарих, не перенеся позора поражения и утраты своего народа, закончил жизнь самоубийством. Его смерть стала символом конца эпохи независимости готов, которая вместе с ним ушла в прошлое, а на её место пришла власть гуннов.

Под властью гуннов оказалась огромная территория — от Волги (которую сарматы называли Ра) до Дуная. С этой поры они становятся беспокойными соседями изобилующих богатством и роскошью городов Великой Римской империи, которая, к тому времени, погрязла в междоусобных распрях патрициев, повсеместном мздоимстве и коррупции, отчего она в итоге распалась на две части: западную, столицей которой по-прежнему оставался Рим; и восточную, центром которой отныне являлся Константинополь.

Наконец, в четырёхстах тридцати четвёртом году экспансию на запад возглавил Атила — человек жестокий и алчный, снедаемый жадой власти, но в то же время очень хитрый, умеющий прислушиваться к советам других. Его глаза горели огнём амбиций, а речь была столь убедительна, что даже самые упрямые воины склоняли головы перед его волей. Став во главе этой многоликой армады, он выдвинул ультиматум Феодосию II, сидевшему в это время на византийском троне. Атила потребовал: выдать всех перебежчиков, нашедших убежище в империи; выслать дань; отправить посланников для переговоров о платеже дани на будущее время. В ответ он получил уведомление, что римляне не выдадут прибегших под их покровительство людей, но вместе с ними примут войну. Разгневанный этим высокомерным ответом, Атила, переправившись через Дунай, двинул свои орды на империю. Грохот копыт тысяч коней возвестил о начале новой эпохи кровопролития, страха, разрушений и великих перемен.

Глава вторая

Невольник

Сквозь узкие щели, образовавшиеся там, где отвалилась глина между грубо струганных брёвен, в сырое, тёмное помещение пробился первый робкий лучик рассвета. Он косо упал на гнилую соломенную подстилку, покрытую пятнами плесени и следами многодневного использования. Там, закутавшись в рваное тряпье, чьи некогда яркие цвета давно выцвели и слились в грязно-серую массу, лежало нечто, лишь отдалённо напоминающее человека.

Тотчас тело пошевелилось, издав глухой стон, и, звякнув тяжёлыми железными цепями, висевшими на смуглых, мускулистых руках, медленно раздвинуло длинные спутанные космы, плотно закрывавшие лицо. На свет из-под них вынырнули широкие выразительные глаза — тёмные, с отблеском затаённой боли и не сломленной воли. Они быстро пробежались по неровным мазанным стенам, покрытым трещинами и пятнами сырости, и остановили свой взгляд на тяжёлой входной двери, сколоченной из толстых досок и укреплённой железными полосами. За дверью послышался глухой человеческий голос, приглушённый деревом и расстоянием. Прямой, чуть с горбинкой нос раба глубоко втянул ноздрями воздух и в него, тотчас ударил затхлый запах скисшего молока, смешанный с вонью протухшей рыбы и едким дымом от очага. Наконец прогремел засов, с трудом отодвигаемый заржавевшим механизмом, и в открывшемся проёме вырос силуэт пожилого человека.

Это был хозяин — гладко выбритый, с сединой в волосах и морщинами, избородившими лицо, словно следы от плуга на старом поле. Он был одет в серую тунику простого кроя поверх длинных штанов такого же цвета, а на ногах — поношенные сандалии с потрёпанными ремнями. Придерживая ногой в сандалии дверь, чтобы та не захлопнулась от сквозняка, он осторожно поставил на грязный земляной пол деревянную миску, наполненную пахучим пойлом, отдающим прокисшим зерном и травами, после чего, хрипло, с нотками усталости в голосе, проговорил:

— Рос! Ешь быстрее и пошли в кузню. Не то Авила убьёт нас обоих. До чего же гнусная женщина... Но надо воздать ей должное! Не женись я на ней, гнили бы сейчас мои косточки, где-нибудь на равнинах Месопотамии. Да и ты, — он бросил короткий взгляд на раба, — давно бы богу душу отдал на галерах, не заставь она меня купить тебя у корсаров.

Раб, медленно поднявшись с настила, оказался выше собеседника почти на голову. Его фигура, несмотря на истощение и следы побоев, сохраняла мощь и силу — широкие плечи, рельефные мышцы рук, спина, привыкшая к тяжёлой работе. Подобрал с пола деревянную чашу, он, не отрываясь, осушил её до дна, пролив лишь несколько капель на чёрную бороду, окаймлявшую его щёки и подбородок, а за тем, поставил посудину на место, вытер тыльной стороной ладони остатки пищи с губ и, не поблагодарив хозяина, сухо отозвался:

— Я готов.

Рассвет занимался, где-то далеко за соломенной крышей стоявшего полукругом длинного деревянного дома, из которого только что вышли двое мужчин. Небо на востоке уже окрасилось в бледно-розовые и оранжевые тона, обещая жаркий день. На стук закрывшейся двери тут же отворилась другая — дверца, ведущая в соседнее помещение, откуда показалось морщинистое лицо старой женщины. Её глаза, узкие и колючие, сверкнули при виде мужчин. Увидев их, она громко завопила, и голос её, резкий и пронзительный, разрезал утреннюю тишину:

— Растус! Ты содержишь раба лишь для того, чтобы его кормить как жеребца! Разве за это мы сто динаров отдали? Прокес уже заждался своего заказа. Смотри, если не выполните работу вовремя, мы сами окажемся на месте этого варвара!

— Не ворчи! Успеем!

Повернув голову в сторону женщины, коротко ответил ей муж. И, не по годам бойко, заскочил в глиняное здание, отдельно стоявшее в конце узкого двора, окружённого невысоким плетнём. За ним, согнувшись пополам на входе, чтобы не удариться головой о низкую притолоку, поспешил скрыться от глаз назойливой хозяйки и раб.

— Взял бы серп, да космы обрезал этому нехристи! — не унималась женщина, вытирая руки о заляпанный жиром передник. — Противно глядеть. Не ровен час, с бараном попутая!

Она продолжала браниться, пока мужчины не скрылись из виду. Наконец, поняв, что её уже не слышат, смачно выругалась ещё раз, плюнула на вытопанную под ногами землю и вернулась обратно в дом, громко хлопнув дверью.

А в это время в кузнице, варвар, обнажив на лбу выжженное железом клеймо — грубый знак, говоривший о его строптивом характере и попытках бегства, — подвязал грязные волосы на голове куском тряпицы, чтобы те не мешали работе. Затем нацепил на пояс грубый кожаный фартук, покрытый пятнами от искр и следами ударов молота, и, раздув меха горна, от которых по помещению разнёсся гулкий шум, стал выкладывать заготовки на кузнечный стол, делая на них последние пометки углём.

В углу, на плетёном кресле, которое скрипело при каждом движении, наблюдая за работой раба, удобно устроился римлянин, при этом плеснув себе в массивную кружку из пузатого кувшина белого вина.

Вскоре со двора ромейского простолюдина раскатисто проплыл первый удар молота — гулкий, мощный звук, который эхом отразился от стен домов оповещая жителей города о начале нового дня.

Глава третья

Варвары

Первые всадники гуннов появились перед городом к вечеру, когда последние лучи солнца едва пробивались сквозь густое покрывало низких, свинцовых облаков. В сумрачном небе, словно предчувствуя что-то неладное, кружили вороны — их чёрные силуэты то сливались с тучами, то вновь отделялись от них, выписывая широкие круги над городом. Птицы с криками парили высоко над крышами домов, сверху рассматривая удивлённо застывших на улицах горожан, которые, замерев, следили за злобной птичьей каруселью.

Вскоре стражники на крепостных стенах заметили и причину беспокойства пернатых вестников беды. Всматриваясь вдаль, напрягая зрение до рези в глазах, они на горизонте различили тёмные точки — небольшой отряд конницы. По мере приближения всадников становилось ясно: это не римляне. Приближаясь к крепости, они не держали строя, а рассыпались по широкому тракту, ведущему в город, словно крупа, просыпавшаяся из мешка. Их движения казались хаотичными, но в этой кажущейся неразберихе чувствовалась какая-то звериная, инстинктивная согласованность.

Об этом немедленно доложили византийскому начальнику Секстилиусу, командовавшему гарнизоном Сингидуна. Он, облачённый в поношенные, но всё ещё внушительные доспехи, выслушал донесение с каменным лицом. Не тратя времени на раздумья, Секстилиус незамедлительно отдал приказ о закрытии всех ворот, через которые можно было попасть в крепость. Звонкие команды разнеслись по укреплениям, солдаты бросились выполнять распоряжения. Тяжёлые дубовые створки, окованные железом, со скрипом захлопнулись, массивные засовы с лязгом встали на место.

После этого военачальник поднялся на смотровую площадку самой высокой башни. Отсюда открывался вид на окрестности на много миль вокруг. Подъехав к городу на расстояние пущенной стрелы, всадники остановились. Они начали что-то громко кричать на непонятном римлянам языке, при этом размахивая копьями, на концах которых трепетали привязанные конские хвосты, создавая ещё более устрашающий вид.

Секстилиус подозревал толмача — пожилого грека с седыми висками, который много лет провёл на границах империи, изучая обычаи и языки варваров. Тот, прислушавшись к крикам, и перевёл:

— Господин, незваные гости называют себя гуннами, посланными самим ханом Атилиой. От имени своего вождя они требуют открыть им ворота и сдаться в надежде на милость. Иначе, — голос толмача дрогнул, но он продолжил — гнев его будет велик, а кара к людям, оказавшим сопротивление, очень сурова.

Римлянин, услышав такие слова, криво усмехнулся, сжал рукоять меча, висевшего у пояса, и вымолвил:

— Пусть попробуют взять Сингидун силой. Это им не мышей в степи ловить. Очень скоро здесь появятся римские легионы, тогда посмотрим, как они запоют.

Но войска Великой Римской империи не спешили на помощь оказавшемуся в опасности городу. Вместо них к крепостным стенам всё прибывали и прибывали необычные всадники на маленьких коротконогих лошадях. Гунны подъезжали небольшими группами, затем объединялись в более крупные отряды, рассредоточивались вокруг города, отрезая все пути к отступлению. Их было всё больше и больше — словно саранча, они покрывали окрестности, заполняя всё пространство вокруг крепости.

Когда стемнело, вокруг крепостных стен появилось такое множество огромных костров, что, казалось, вдали запылало само небо. Пламя взмывало высоко вверх, отбрасывая зловещие отблески на каменные стены Сингидуна, заставляя тени плясать безумный танец. В свете костров силуэты всадников казались ещё более фантастическими и устрашающими. До защитников доносились обрывки гортанных песен, звон оружия, ржание лошадей.

Утром следующего дня перед глазами Секстилиуса возникла печальная картина. Все деревья и кустарники вокруг Сингидуна, куда хватало взгляда, были безжалостно вырублены варварами. Одна их часть сгорела в ночном огненном пиру, другая же пошла на изготовление штурмовых лестниц и таранов. На месте зелёных зарослей теперь зияла голая, изрытая земля, а на ней, словно по волшебству коварного мага, выросла невиданная по численности вражеская армия, готовая к штурму его крепости.

Воины гуннов стояли плотными рядами, вооружённые луками, мечами и копьями. Их лица, изборождённые шрамами, выражали холодную решимость. Лошади нервно переступали, фыркали, чувствуя напряжение момента. Командиры отдавали последние распоряжения, проверяя готовность отрядов.

И не успел римский военачальник отдать приказ к бою, как гунны, наполняя всю округу диким визгом, громогласными криками и устрашающим врага боем, пошли в атаку. Приближаясь к крепости, они градом осыпали защитников города стрелами в таком количестве, что слабые попытки римлян ответить варварам не возымели должного эффекта. Стрелы сыпались с неба, словно смертоносный дождь, вонзаясь в деревянные щиты, застревая в брестерах, находя бреши в обороне.

Под этим прикрытием наступавшие вскоре подошли вплотную к крепостным стенам. С дикими криками они приставили к ним лестницы и быстро полезли наверх, словно муравьи, заполонившие муравейник. Их было так много, что лестницы едва выдерживали вес карабкающихся воинов. Римские солдаты отчаянно отбивались, сбрасывали лестницы, метали копья, лили кипящую смолу, но натиск был слишком силен.

День ещё близился к полудню, когда ворота Сингидуна открылись, впуская войско победителей на свои улицы. Люди в панике метались по мощёным переулкам, пытались найти спасения в церквях, забивались в подвалы, прятались в самых укромных уголках города. Но бог, по-видимому, как и Великая Римская Империя, на этот раз отвернулся от своей паствы, отдав их на растерзание неведомым доселе варварам. Крики ужаса, звон оружия и победные вопли гуннов слились в единый, леденящий душу хор, возвестивший о падении Сингидуна.

Глава четвёртая

Новый хозяин

Единственным утешением в жизни Роса — это имя дал ему хозяин ещё в Каппадокии — была его работа в кузнице. Здесь, среди гула ударов молота и шипения раскалённого металла, он мог хоть ненадолго отрешиться от жестокой реальности. Рос погружался в монотонный ритм работы, и в эти мгновения его мысли уносились далеко в прошлое, полное свободы и надежд. Думать о будущем он избегал, потому как будущего в рабстве не могло быть. Зато можно было наслаждаться красотой изделия, рождающегося на свет из-под тяжёлым кузнечным молотом: каждый изгиб, каждая линия, каждый блик на отполированной поверхности напоминали ему о том, что даже в самых тяжёлых условиях человек способен создавать нечто прекрасное.

Новый день ничем особенным не отличался от предыдущих, проведённых им в Сингидуне. Рос привычно разжигал горн, проверял инструменты, разогревал металл — всё это он делал почти машинально, погружённый в свои мысли. Ритмичные удары молота заглушали окружающий мир, но вдруг сквозь них прорвались громкие крики за стенами кузницы. Рос замер на мгновение, прислушиваясь. Крики звучали тревожно, панически — так кричат люди, столкнувшиеся с чем-то неожиданным и опасным.

Повернув голову в сторону римлянина, разомлевшего от выпитого им вина в плетёном кресле, раб, повысив голос, проговорил:

— Там что-то происходит.

Слово «хозяин» Рос избегал произносить. За одиннадцать лет жизни в рабстве никто не сумел убить в нём человека. Даже корсары, захватившие его однажды в плен в водах Гирканского моря и прославившиеся в Средиземноморье своими изобретательными пытками, не сломили его дух. Они пытались выбить из него покорность: били, морили голодом, угрожали — но Рос молчал, стискивал зубы и смотрел на них с вызовом. Не достигнув желаемого, корсары в ярости поставили клеймо на лбу за дерзость и продали по сходной цене римскому легионеру — тому самому Растусу, который сейчас беззаботно дремал в углу кузницы.

— Во дворе что-то случилось! — ещё громче проговорил Рос.

На этот раз римлянин услышал его возглас и открыл глаза. Он тупо уставился на раба, какое-то время соображая, в чём дело. Затем до него донеслось ржание лошадей за стеной, и он испуганно вскочил с кресла, выскочив во двор. За ним, бросив молот, поспешил и невольник.

То, что они увидели во дворе, ввело в замешательство их обоих. Двери и окна некогда добротного дома были выломаны неизвестными воинами, которые, видимо, до сих пор находились внутри. Лошади грабителей, в ожидании хозяев, стояли у входа в амбар, подбирая с земли рассыпанный овёс. Их бока блестели от пота, а ноздри раздувались, что говорило об их усталости. Рядом с ними лежало окровавленное тело Авилы.

Римлянин, сообразив, что произошло, спешно вернулся в кузницу и через мгновение выскочил оттуда со старым, изрядно проржавевшим мечом в руках. Оружие выглядело жалко — лезвие покрылось рыжими пятнами, рукоять потрескалась от времени, — но Растус сжимал его с отчаянной решимостью.

В этот момент из дома появился один из воинов, грабивших римлянина. Высокий и стройный, моложавый юноша в конусообразном шлеме и чешуйчатой кольчуге. В одной руке он держал меч, а в другой — перемётную сумку, доверху набитую чужим добром. Его лицо, обрамлённое тёмными кудрями, выражало спокойную уверенность, а глаза сверкали холодным огнём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.